

УДК 323.28+947+342.7 (575.2) (04)

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА ПРИ ТОТАЛИТАРНОМ РЕЖИМЕ: ОПЫТ СССР 30-40-х гг. XX в.

А.М. Демидов – докторант

Рассматриваются актуальные вопросы безопасности личности, общества и государства при тоталитарном политическом режиме на примере СССР 30–40-х гг. XX в. Особое внимание уделяется репрессивно-карательной политике сталинского режима.

Ключевые слова: безопасность личности; тоталитарный политический режим; контрреволюционные преступления; карательные органы; государственная система обеспечения безопасности.

В теории безопасности личности, общества и государства имеется проблема их приоритетов. Определелись три позиции: одни на первое место ставят безопасность личности; другие полагают, что безопасность личности и общества в целом может обеспечить лишь сильное государство с высокой степенью собственной безопасности; третьи считают, что никаких приоритетов не должно быть, а обеспечение безопасности личности, общества и государства необходимо рассматривать как элементы единой системы. В России и других странах СНГ теоретическая и практическая значимость проблемы возникла в себе со сложением прежней политической системы советского периода. От решения этой проблемы зависела эффективность реформирования государственного механизма, определение в нём роли и места специальных служб и правоохранительных органов.

Особую значимость проблема приоритетов получила в связи с необходимостью противодействия международному терроризму, особенно после 11 сентября 2001 г., когда активно продолжилось формирование и развитие национальных и международных систем борьбы с терроризмом. Как представляется, в процессе совершенствования этих систем должны быть максимально учтены исторические уроки и опыт прошлого, чтобы исключить подходы, чуждые интересам абсолютного большинства населения и характерные для тоталитарных режимов.

Известно, что тоталитарный режим характерен всеобщим, тотальным контролем государства над всеми сферами жизни общества, фактической ликвидацией конституционных прав и свобод, репрессиями инакомыслящих, неограниченными законами полномочиями властей, огосударствлением общественных организаций, милитаризацией общественной жизни и

т.д. В СССР отмеченные выше факторы начали проявляться в конце 20-х гг., когда сталинское руководство решительно свернуло с курса новой экономической политики, утверждённого в 1921 г., на форсирование темпов индустриализации и перешло на директивные принципы управления народным хозяйством с использованием методов государственного принуждения. Вначале они рассматривались как чрезвычайные и временные, но весьма скоро вошли в повседневную практику преодоления трудностей развития страны. Карательная политика государства формировалась исходя из политических и экономических факторов. Так, по указанию Политбюро ЦК ВКП (б) в Объединённом государственном политическом управлении (ОГПУ) при СНК СССР и Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) СССР были разработаны мероприятия, которые в марте 1927 г. представили на утверждение председатели этих государственных органов В.Р. Менжинский и В.В. Куйбышев. Решение по их докладу было оформлено секретным постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 4 апреля 1927 г., в котором, в частности, говорилось: “Приравнять небрежность как должностных, так и всех прочих лиц, в результате халатности которых имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие вредительские акты на предприятиях государственной промышленности, на транспорте, а равно и предприятиях государственного назначения, к государственным преступлениям” [1: 82]. С этого времени факты нарушений техники безопасности, бесхозяйственности, преступной халатности и другие подобные проявления стали квалифицировать как диверсии, вредительство или саботаж. Органам ОГПУ было предоставлено право рассматривать во внесудебном порядке,

вплоть до применения высшей меры наказания, дела по диверсии, поджогам, пожарам, взрывам, порче машинных установок “как со злым умыслом, так и без оногo”, а также дела о халатности и нарушениях правил пожарной безопасности на объектах промышленности и транспорта. Руководство борьбой с контрреволюционными преступлениями полностью сосредоточил в своих руках заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода. Он требовал твёрдых и энергичных мер против тех лиц, “политическая физиономия которых вызывала подозрение”. В 30-е гг. в общественном и профессиональном правосознании утвердилась концепция, согласно которой успех борьбы с контрреволюционными преступлениями рассматривался как залог успешного экономического развития СССР. Одновременно эта же концепция использовалась для усиления репрессий против научно-технической интеллигенции, руководителей и специалистов производства, несогласных или сомневавшихся в целесообразности форсирования сроков индустриализации, применения методов государственного принуждения, а также источников сверхвысоких темпов развития промышленности.

Но репрессии только усугубили положение в народном хозяйстве, которое залихорадило. Вследствие массовых необоснованных репрессий в трудовых коллективах сложилась крайне напряжённая и нездоровая атмосфера всеобщей подозрительности и политического недоверия, которая негативно сказывалась на работе всех звеньев управления в целом. Репрессивные меры желаемого результата уже не давали. Наоборот, они сковывали инициативу, порождали пассивность и нежелание брать на себя даже незначительную ответственность [2: 242]. Производственная и технологическая дисциплина, качество изготовления боевой техники, несмотря на ужесточение законов до предъявляемых требований, не повысились. Основные задачи второй пятилетки в полном объёме решить не удалось [3: 97–98; 4: 36–38; 5: 68–69; 6: 137; 7: 153–154]. Всё это ограничивало возможности командно-административной системы управления. Они были исчерпаны практически полностью. Экономика, уровень развития производительных сил не могли обеспечить удовлетворения потребностей военных. Например, в мае 1941 г. самолётостроительные заводы ежедневно выпускали почти по 20 боевых машин – требовалось же производить в 2,5 раза больше. Несмотря на сильный нажим со стороны И.В. Сталина, нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин так и не нашёл

возможности выпускать в день по 50 самолётов: после совещания со своими заместителями 16 июня 1941 г. плановая разрядка была составлена только на 48 машин [8: 5].

Проблемы развития военно-экономического потенциала в конце 30-х гг. ставили сложные задачи, которые отчасти решались с помощью карательной политики государства. Она, помимо прочих целей, служила средством перераспределения по территории страны и отраслям экономики сверхдешёвых рабочих рук. Как представляется, в этом также кроются причины массовых репрессий 30-х гг.¹ С новой силой это проявилось накануне Великой Отечественной войны. Такая практика, как полагали её организаторы, должна была способствовать быстрому увеличению промышленного потенциала, но в действительности насилие над людьми и – вопреки логике индустриализации – необоснованные аресты многих ведущих конструкторов, инженеров, технических работников наносили стране непоправимый ущерб. В лучшем случае эти способные и опытные специалисты были полностью или частично выведены из сферы своей профессиональной деятельности и в лагерях ГУЛАГа НКВД СССР использовались на тяжёлых физических работах, но зачастую арест означал для них гибель. Удары по высококвалифицированным научным кадрам, специалистам и организаторам производства подрывали экономический и научно-технический потенциал страны, отрицательно сказывались на её обороноспособности.

Существенно осложнило внутривнутриполитическую обстановку насильственное переселение в глубь СССР, где развернулось невиданное по масштабам промышленное строительство, десятков тысяч административно высланных жителей, присоединённых к СССР территорий Польши и стран Прибалтики. Вследствие тяжелейших социально-бытовых условий в местах проживания этого “спецконтингента”, массовым явлением стали коллективные отказы от работы, попытки побегов в родные места, группирования по признаку землячества и другие проявления, которые властями расценивались как антисоветские. По зафиксированному в январе 1941 г. данным, из-за “нездоровых сообщений” конфисковывалось каждое 4–5 почтовое отправление из потока писем, которое подвергалось политическому контролю.

¹ Использование заключённых в качестве сверхдешёвой “рабочей силы” одним из первых в советской историографии подробно рассмотрел В.В. Цаплин [9: 157–163].

В целом по регионам расселения “спецконтингента” количество анонимных документов, квалифицировавшихся как антисоветские проявления, в 1939–1940 гг., особенно в период войны с Финляндией, резко увеличилось [10: 89; 11: 96].

Готовя страну к войне, сталинское руководство вполне объяснимо стремилось избавиться внутри страны от так называемой “пятой колонны”, которую противник мог использовать в подрывных целях. Предотвращение “пятой колонны” внутри СССР – ещё одна задача 30-х гг., решавшаяся карательной политикой государства. О её направленности довольно точное представление даёт анализ содержания приказа НКВД СССР от 11 октября 1939 г., который содержит весьма широкий перечень так называемых “антисоветских элементов”, подлежащих учёту в органах НКВД СССР. Список открывают “все бывшие члены политических партий, организаций и групп: троцкисты, правые¹, эсеры, меньшевики, анархисты и т.п.”. В документе явно усматривается закрепление результата борьбы И. Сталина и его сторонников против своих политических оппонентов. Согласно логике обеспечения безопасности сформированной политической системы, члены названных выше политических партий, прекративших существование ещё в 20-е гг., представляли гораздо большую угрозу, чем шпионы, диверсанты и террористы, стоявшие в перечне антисоветских элементов гораздо ниже первых. Опасными антисоветскими элементами, согласно названному приказу, считались члены семей лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления к высшей мере наказания или к лишению свободы на сроки свыше 10 лет. В оперативных документах НКВД антисоветскую окраску приобретали, быть может, сами того не зная, не только исключенные из ВКП(б) и ВЛКСМ за антипартийные проступки, не только добровольцы Белой армии, все бывшие кулаки, церковники, сектанты и религиозный актив, но и лица, имевшие личные и письменные связи с заграницей, филателисты, “эсперантисты” и многие другие. Приведённые положения приказа НКВД СССР отчётливо показывают антиконституционные подходы в карательной политике, проводимой в жизнь с использованием органов государственной безопасности в качестве её инструмента. В целом приказ

¹ Правые – члены так называемого “антисоветского правотроцкистского блока” (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский и др.) и их сторонники [12: 69–92].

отражает сохранившийся со времён гражданской войны подход к учёту в органах ВЧК, когда имела место активная открытая вооружённая борьба против большевиков и их правящей партии, и основанием для репрессий с их стороны зачастую являлась социальная принадлежность [13: 247–248, 418]. Выявление преступной деятельности в таких случаях не проводилось. Сохранение прежних подходов двадцатилетней давности искажало представление об оперативной обстановке и не соответствовало теоретическому выводу, отражённому в Конституции 1936 г., о том, что “у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма – социализм” [14: 514].

Утвердившиеся неконституционные методы деятельности карательных органов (исполнительных органов власти, проводивших в жизнь карательную политику государства) привели к тому, что очень многих лиц можно было репрессировать и направить для дальнейшего использования как сверхдешёвую рабочую силу, исходя из экономической целесообразности и потребностей государства [15]. Гипертрофированный учёт так называемых “антисоветских элементов” и произвол в юридической квалификации фактов означали, что вопреки утверждению И. Сталина на XVIII съезде ВКП(б)² реальные усилия территориальных органов государственной безопасности были направлены преимущественно вовнутрь. Об этом же говорит и статистика, согласно которой в 1940–1942 гг. до 85% арестов осуществлялось за так называемые антисоветские проявления [17: 2]. Органы государственной безопасности превратились в охранку, вследствие чего контрразведывательное искусство деградировало. Профессиональный уровень оперативного уполномоченного или следователя определялся начальниками по количественным критериям. Ценность сотрудника НКВД зависела в основном от количества выявленных им “антисоветских элементов” и особенно от количества арестов, проведённых по его материалам. Количество арестов стало главным показателем работы [18: 13, 19, 28, 57–59, 74, 79, 81; 19: 52, 53, 103–105, 148–149; 20: 1–5; 21: 82, 83]. Такой подход подталкивал к фальсификации оперативных и следственных материалов, сотрудники, противившиеся этому, подвергались репрессиям [22: 41; 23: 14].

² На XVIII съезде ВКП (б) Сталин заявил, что карательные органы “своим остриём обращены уже не внутрь страны, а вовне, против внешних врагов”. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 16–21 марта 1930 г. [16: 35].

В результате массовых репрессий как средства обеспечения безопасности тоталитарного государства были подорваны производительные силы общества. В итоге безопасность общества ни дипломатическими, ни экономическими, ни военными, ни специальными мерами обеспечить не удалось, и это в полной мере обнаружилось в первые же дни Великой Отечественной войны. Даже, казалось бы, самые элементарные действия – оповещение руководителей территориальных органов НКГБ СССР – были сделаны с большим опозданием. Например, бывший начальник Управления НКГБ СССР по Сталинградской области А.И. Воронин в своих воспоминаниях рассказал, что о начале войны узнал только из выступления по радио В.М. Молотова, которое, как известно, состоялось в полдень 22 июня 1941 г. [24: 33].

Планы первоочередных мероприятий начали составлять и реализовывать лишь по получении дополнительных указаний из наркомата. Всё это позволяет утверждать, что органы государственной безопасности в полной мере к действиям в условиях военного времени оказались не готовы. Аналогичных оценок заслуживает и готовность к войне объектов оборонных отраслей промышленности и многих наркоматов народного хозяйства. Во-первых, мобилизационные планы серьёзно устарели и для практического использования оказались непригодными. Политическое недоверие к кадрам привело к сверхсекретности в ущерб обороноспособности страны. В частности, это проиллюстрировал В.Н. Новиков, встретивший войну в должности директора машиностроительного завода в Ижевске, который впоследствии описал первое ознакомление с мобилизационным планом 22 июня 1941 г.: “План составлен три года назад и с тех пор не пересматривался... К этому документу никто, включая руководителей завода, не допускался. Начальник мобилизационного отдела имел дело только с наркоматом, вопрос этот со мной, когда я стал директором, не обсуждался. Документ оказался не полным для практического руководства” [25: 60]. Иными словами, мобилизационная готовность и безопасность СССР оказались должным образом не обеспеченной.

Таким образом, исторический опыт показывает, что безопасность тоталитарного государства обеспечивается за счёт полного подавления безопасности личности, а это подрывает безопасность общества; одновременно ослабление безопасности общества наносит ущерб безопасности государства. Такая получается обратная связь. В

конечном итоге, чем энергичнее тоталитарное государство обеспечивает свою безопасность, тем больше оно её подрывает. Казалось бы – парадокс, на самом деле – это закономерность тоталитарного режима. Безопасность государства вступает в противоречие с безопасностью личности и общества. Объективности ради следует подчеркнуть, что иногда на каком-то историческом этапе векторы обеспечения безопасности тоталитарного государства и общества совпадают, что и показала история СССР периода Великой Отечественной войны. В качестве другого примера можно привести Германию после её поражения в Первой мировой войне. Развитую державу победители насильно поставили в разряд второстепенной страны и пытались навечно законсервировать её в таком положении. В результате – приход к власти Гитлера демократическим путём. Общественное сознание униженной нации обеспечило ему успех на выборах. Как известно, закончилось это жертвами германского народа – любому обществу за тоталитаризм приходится расплачиваться, но на ранней стадии диктатуры национал-социалистов интересы тоталитарного государства и германского общества совпали.

Чтобы безопасность современного общества была высокой, необходимо не допускать появления элементов тоталитарного государства. В частности, не должно быть политической и экономической монополии, сохраняемой физическим и духовным насилием и обманом трудовых масс. Не должно быть концентрации управления и контроля над силовыми структурами в руках узкой группы одних и тех же неподконтрольных обществу лиц. Не должно быть чрезвычайного усиления исполнительной власти за счёт ослабления и фактического лишения самостоятельности законодательной и судебной ветвей власти. Это тот минимум, чего не должно быть. В свою очередь, государственная система обеспечения безопасности должна функционировать в сочетании с негосударственной системой обеспечения безопасности, которую называют по-разному: “общественная система”, “гражданский контроль” – близкие по содержанию понятия¹. В негосударственную систему обеспече-

¹ Проблемы создания, становления и развития негосударственных систем безопасности были частично рассмотрены на международной конференции, впервые проведённой в России в 2001 г. под эгидой авторитетной международной структуры – Конгресса Федерации Ассоциации частных детективов (IKD) [26].

ния безопасности могут входить политические партии, общества, движения, общественные организации, комитеты и т.д. Необходимым условием является наличие реальной политической оппозиции. Негосударственная система – противовес государственной системы, в её деятельности безопасность личности стоит на первом месте. Приоритетом государственной системы является обеспечение безопасности государства, в силу объективных причин (наличие реальной власти, хорошо организованных и мобильных силовых структур и т.п.) очевидна тенденция: как более сильная, она подминает негосударственную систему. Практика показывает, что тоталитарному режиму это удается полностью, а демократическому – лишь частично. Только реальное наличие демократических прав и свобод создаёт необходимые условия формирования государственных и общественных институтов, взаимно уравновешивающих друг друга и гарантирующих безопасность государства, личности и общества в целом. Этот принцип должен стать фундаментальным в построении и развитии национальных и международных систем безопасности. Именно здесь кроется необходимое условие их высокой эффективности.

Литература

1. Сборник документов по истории оперативной деятельности органов и войск ОГПУ. – М.: ВШ КГБ, 1961.
2. *Грабин В.Г.* Оружие победы. – М.: Политиздат, 1989.
3. История социалистической экономики: В 7 т. – М.: Наука, 1978. – Т. 5.
4. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1988.
5. Конструктор боевых машин. – Л.: Лениздат, 1988.
6. *Пономарёв А.Н.* Конструктор С.В. Ильюшин. – М.: Воениздат, 1988.
7. *Яковлев А.С.* Цель жизни: Записки авиаконструктора. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1987.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 485.
9. Вопросы истории. – 1991. – №4–5.
10. Архив Управления ФСБ России по Свердловской области (АУФСБСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 101.
11. *Корнилов В.И., Наумов Г.К.* Оперативная деятельность органов государственной безопасности Урала в предвоенный период. (1938–июнь 1941 г.). – Свердловск: УКГБ СССР, 1982.
12. Известия ЦК КПСС. – 1989. – №1, 5.
13. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. – М.: ВШ КГБ, 1977.
14. *Сталин И.* Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М.: Гос. издательство политической литературы, 1939.
15. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 3. Экономика Гулага / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
16. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 16–21 марта 1930 г. Стенографический отчёт. – М.: Политиздат, 1939.
17. АУФСБ России по Нижегородской области (АУФСБНО). Ф. 23. Оп. 6. Д.47.
18. АУФСБНО. Ф. 23. Оп. 6. Д. 46.
19. АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97.
20. АУФСБ России по Самарской области. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 17.
21. АУФСБ России по Челябинской области. Ф. 27. Оп. 2. Д. 10.
22. Государственное учреждение “Объединенный государственный архив Челябинской области”. Ф. 291. Оп. 2. Д. 326.
23. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 423. Оп. 1. Д. 121.
24. *Воронин А.И.* Шит и меч Сталинграда (лит. запись Ю. Мишаткина). – Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1982.
25. *Новиков В.Н.* Накануне и в дни испытаний: Воспоминания. – М.: Политиздат, 1988.
26. Негосударственная система безопасности: проблемы и решения // Материалы Международной конференции / Под ред. А.И. Гурова. – М.: НОУ ШО “Баярд”, 2002.